

КОНЕЦ ПОЛЕВОГО СЕЗОНА

Последние дни осени — время, когда обычно возвращаются домой даже самые заядлые экспедиционные «волки», привычные сидеть в поле «до белых мух». Наступает время слегка перевести дыхание и подвести первые итоги сезона. 26 ноября пресс-конференцию для новосибирских журналистов, жаждущих новостей об археологических поисках и находках, собрал академик Вячеслав Иванович Молодин, заместитель директора Института археологии и этнографии СО РАН.

Прошедшим летом, как это всегда бывает, случались и радости открытий, и горечи неудач, но в целом сезон был очень интересным.

Мой отряд работал в основном в Барабинской лесостепи, в районе села Венгерovo. Мы исследуем эту территорию уже много лет, в последнее время ведем раскопки интереснейшего могильника Тартас-1 — погребального комплекса эпохи развитой бронзы, я бы сказал, уникального для территории Западной Сибири.

В июле мы вместе с моим коллегой и другом геофизиком ак. М.И. Эповым работали на плато Укок. Сразу хочу успокоить алтайских оппонентов — раскопок там мы не вели, проводили исследования новым методом, предложенным Михаилом Ивановичем, и получили очень интересные результаты.

Разумеется, жизнь археолога не ограничивается полевыми сезонами. Довольно большая работа у нас велась и ведется по аналитическому осмыслению полученных материалов, и здесь тоже есть очень любопытные результаты. В частности, совместно с генетиками мы получили новые, совершенно уникальные данные по протогородскому поселению Чича в Здвинском районе Новосибирской области.

Кроме того, летом в Берлине прошел очень интересный конгресс, посвященный изучению скифской эпохи. Были опубликованы новые статьи, книги. Уходящий год я, наверное, буду вспоминать с удовольствием.

— Вячеслав Иванович, какие результаты получены по совместной работе с генетиками, что нового найдено в комплексе Чича?

— Благодаря интеграционным проектам, действующим в СО РАН, мы уже около десяти лет работаем вместе с учеными из ИЦиГ. Результатов здесь несколько: и монография, вышедшая по результатам исследований материалов, полученных на Укоке, и новый проект, которым мы сейчас занимаемся, связанный с популяцией эпохи бронзы — раннего железного века на территории Барабинской лесостепи.

Генетики вышли на принципиально новый уровень исследований: они научились получать ископаемую митохондриальную ДНК не только из мягких тканей, которые сохраняются лишь в исключительных условиях, но и из массового материала — костей человека. Это дает возможность проводить очень глубокие и широкие сравнения в мировом масштабе — ведь костей людей разных эпох у нас в институте собрано много, а хороший банк данных дает возможность сопоставлять результаты и делать интересные выводы.

Кроме выхода на проблемы этногенеза, генетики устанавливают степень родства в популяции, получают данные о половой принадлежности того или иного умершего. Дело в том, что, например, по детским костям антропологи не могут определить пол, а генетики — могут. Мы пришли к тому, что сейчас будет создана совместная лаборатория Института археологии и этнографии и Института цитологии и генетики, которая будет заниматься этой проблематикой постоянно, а не эпизодически, когда есть грант.

Исследуя материалы городища Чича, мы получили совершенно уникальные данные. Памятник относится к IX—VII вв. до н.э. — это переход от эпохи бронзы к эпохе раннего железа. Мы раскопали несколько жилищ, и в каждом из них было обнаружено захоронение младенца, а в некоторых даже по два. Вообще-то для Западной Сибири эта традиция чужеродна, она явно была откуда-то привнесена. Когда мы начали изучать весь комплекс, в том числе и керамику, то стало ясно, что здесь имеет место какой-то достаточно мощный приток пришлого населения, который и освоил вторую половину этого памятника. Похоже, налицо дуально-фратриальное устройство общества, когда одну часть поселения занимали аборигены, а вторую часть — пришельцы. Сам по себе факт очень любопытен и встречается в археологии довольно редко.

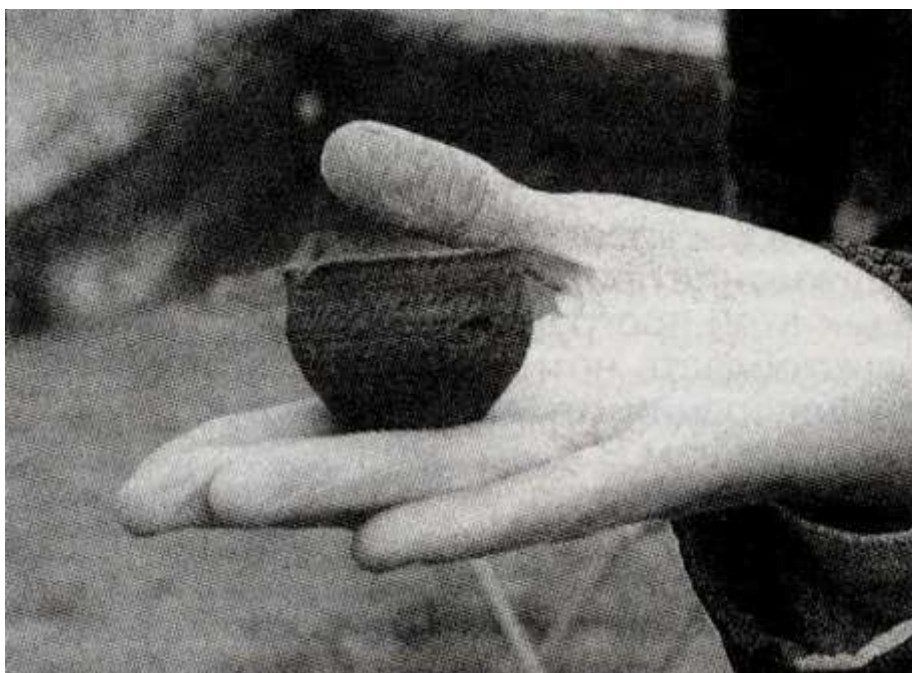
Захоронения младенцев были характерны в эпоху бронзы для культур Средней Азии и Переднего Востока. С юго-западным вектором мы и связывали появление пришельцев. Наиболее близкие аналогии, можно сказать, абсолютные, имеют место с несколькими захоронениями, исследованными на севере Казахстана. Но любопытно, что сопоставить этот материал с известными культурами поздней бронзы или раннего железа не удастся. Либо мы еще плохо знаем район Северного Казахстана, либо эти люди пришли с другой территории — более южной, или более западной. Пока же однозначно связывать эти комплексы с какой-то конкретной культурой эпохи поздней бронзы или раннего железа преждевременно.

Тогда мы поставили перед генетиками задачи: во-первых, определить пол умерших, а, во-вторых, выйти на их генотип. Что за дети были в погребениях? Оказалось, что все дети — мальчики, поэтому здесь совершенно определенно можно говорить о мужском культе, связанном, скорее всего, со скотоводством. Культы, связанные с земледелием, имеют женское начало, и проявляется это в женской скульптуре и прочих, связанных с этим предметах.

Любопытно и то, что в некоторых жилищах было по два детских захоронения. И когда генетики с ними поработали, выяснилось, что эти мальчики — от разных матерей. Следовательно, можно было бы сделать вывод, что в этом доме проживали две или несколько семей. Но, учитывая, что площадь дома небольшая, возможно, в нем проживала и одна семья, но не моногамная, а полигамная, и эти мальчики могли происходить от разных матерей, а отец был общий. Точно на этот вопрос можно будет ответить, когда мы сможем

работать над Y-хромосомой, т.е изучать не только митохондриальную ДНК, связанную с материнством, но и Y-хромосому, связанную с отцовством.

И, наконец, когда мы выходили на уровень этногенеза, выяснилось, что у мальчиков, захороненных на территории, освоенной пришельцами, генофонд ближе всего к популяциям Средней Азии, Кавказа, параллели есть даже на Ближнем Востоке. У мальчиков же, которые были захоронены в домах местной, автохтонной части памятника, генофонд ближе всего к финно-уграм.

В середине второго тысячелетия до н.э. в Барабе обитало местное монголоидное население так называемой кротовской культуры, со своим погребальным обрядом, неплохо изученным, керамикой, характерным домостроительством, бронзовыми предметами и т.д. В начале третьей четверти второго тысячелетия до н.э. на территорию Западной Сибири хлынул мощный поток мигрантов с территории примерно современного Центрального Казахстана — племена так называемой андроновской культуры. Это было европеоидное население с очень яркой культурой, тоже скотоводы, но владеющие колесным транспортом. Что-то их заставило вдруг уйти с насиженных мест, и они начали осваивать огромные территории. Часть их ушла на запад, в Приуралье, другая двинулась по лесостепям и степям Западной Сибири на восток и остановилась на территории Минусинской котловины. Еще одна группа ушла на юг, и отдельные элементы этой культуры мы находим на огромной территории, включающей часть Средней Азии, Южный Казахстан. Их следы находят даже в китайском Синьцзяне. В конечном итоге, они дошли до Индии.

В могильнике Тартас-1 около Венгерова нам посчастливилось зафиксировать момент, когда эти пришельцы стали контактировать с местным населением, и это отразилось в погребальном обряде и погребальном инвентаре. По-видимому, на первом этапе контакты были мирными, о чем свидетельствуют синкретичные захоронения, где встречаются элементы погребальной практики

и местного, и пришлого населения. Этот момент очень интересен и для антропологов, потому что европеоиды как бы «перекрыли» пласт местных монголоидов, и для генетиков, потому что генетический механизм слияния двух популяций можно будет детально проследить на обширном материале.

Могильник Тартас-1 — грунтовый, внешних рельефных признаков он не имеет, поэтому оказался практически не разграбленным. Мы его нашли с помощью геофизических методов. Предстоит исследовать еще около тысячи захоронений. За последние пять лет мы раскопали более двухсот, так что работа предстоит еще большая.

— Насколько дороги исследования на стыке археологии и генетики, и за счет чего будет финансироваться совместная лаборатория, о которой вы сказали?

— Вообще-то фундаментальные исследования, будь-то археологические работы или генетические исследования, конечно, не дешевы. Чтобы провести в полном объеме экспедицию, я должен подавать заявку в хороший государственный фонд, чтобы получить деньги, потому что средств, выделяемых по бюджету СО РАН, явно недостаточно. Поэтому и мы, и генетики сейчас много работаем по грантам. И нам удается получать неплохие деньги для проведения работ. Исследования интересные, дают блестящие результаты и позволяют совершенно по-новому подходить к археологическому материалу. С моей точки зрения, та классическая археология, которой мы занимались до 1990-х гг., уже и вправду прошлый век.

— А что за геофизические исследования проводились на плато Укок в этом году?

— Напомню, что Михаил Иванович Эпов разработал методику, благодаря которой мы вышли на подкурганную мерзлоту в Монголии. Три комплекса из трех, которые нам геофизики «вычислили», оказались с мерзлотой — результат абсолютный! Теперь ему пришла в голову идея попробовать совершенно новый способ обнаружения мерзлоты и дерева — при помощи газоанализатора. Он предположил и, оказалось, совершенно резонно, что состав потока газа, который выходит на поверхность над погребальным комплексом там, где есть дерево и мерзлота, должен отличаться от того, где их нет. Мы опробовали этот метод. В курганах на Укоке я примерно могу предполагать, где мерзлота есть. На этих комплексах мы и произвели измерения, и оказалось, что данные по составу газов действительно отличаются. По результатам этих исследований мы написали статью, которая скоро выйдет. Конечно, сегодня еще трудно себе представить, что каждая экспедиция будет иметь такой дорогой прибор, как газоанализатор. Но большая экспедиция, хорошо оснащенная, этот метод сможет в ближайшее время использовать.

— **На Укоке, судя по этим исследованиям. планируются дальнейшие работы?**

— Пока мораторий на раскопки действует, но, если там начнется строительство газопровода в Китай, потребуется проведение охранных работ. Я убежден, что трассу надо проводить щадящим образом, минимально затрагивая археологические памятники. Это можно сделать, но все равно какие-то объекты попадут в зону строительства, и по закону их придется исследовать, хочет кто-то этого или нет.

— **Вячеслав Иванович, вы упомянули о конгрессе в Германии. Ваши результаты докладывались и там? Как международное сообщество оценивает работу сибирских археологов?**

— Конгресс мог бы стать самостоятельным поводом для разговора, потому что это действительно крупнейшее событие. Наши коллеги из Германского археологического института, лично проф. Г. Парцингер, президент этого института, несколько лет вынашивали идею провести в Германии годовую выставку с названием «Под знаком золотого грифона».

И на Украине, и у нас в Сибири, и в Европе раскопаны очень богатые комплексы скифского времени, где археологами найдено много золота; наши сибирские захоронения замечательны еще и тем, что в них много органики сохранилось. Организацией этой выставки немцы занимались несколько лет. Мы послали туда комплекс пазырыкской культуры с Укока и мужскую мумию. Выставка прошла под патронатом глав государств, поэтому все было очень гладко. На открытии присутствовали министры культуры РФ ФРГ, все это происходило в берлинском рейхстаге при огромном количестве прессы и телевидения. Нашим находкам был отведен специальный большой зал, где поддерживалась прохладная температура, с одной стороны, нужная для сохранности экспонатов, другой, ненавязчиво наводящая на мысли о мерзлоте. Дизайнеры сделали прекрасную экспозицию — расположили в центре зала

стеклянную линзу, имитирующую лед, и мумия лежала как бы во льду. Интерес к выставке был огромный.

Сама выставка годовая: несколько месяцев она гостила в Берлине, сейчас проходи в Мюнхене, а потом переедет в Кельн. Наш сотрудники регулярно там бывают, следят з мумией и коллекциями по просьбе немецкой стороны.

К этой выставке был приурочен и конгресс, посвященный изучению раннего железного века, скифо-сибирского мира в том числе. От нашего института были два доклада — Н.В. Полосьмак сделала обобщенный доклад о раскопках на Укоке, а мы вместе с Г. Парцингером представили доклад о наших работах в Монголии. Заседали мы в центре Берлина, в Музее музыки, по итогам издали великолепный сборник трудов. Конгресс прошел блестяще, удалось обсудить много проблем.

— Как у вас с Монголией развиваются отношения? И еще вопрос: зачем немцам скифы?

— С монгольскими коллегами отношения прекрасные. В этом году мы, кстати сказать завершили празднование 50-летия СО РАН в Улан-Баторе, где по приглашению Монгольской академии наук и ее президента академика Б. Чадраа проводилась конференция, посвященная нашему юбилею. Мы были там с академиком А.П. Деревянко, работали с коллегами из института археологии. Среди наук, по которым проводятся совместные российско-монгольские исследования, археология занимает далеко не последнее место. Традиции сотрудничества у нас давние, начиная с 1920-х годов.

В прошлом году Н.В. Полосьмак раскопала в Монголии замечательный комплекс эпохи хунну, где были найдены удивительные вещи — высокохудожественные китайские ткани и платья, колесница. Материалы сейчас находятся у нас, в их реставрации нам помогают московские специалисты, без которых мы бы просто не справились. После реставрации все

эти предметы будут возвращены в Монголию. Надеюсь, что наши совместные работы будут столь же успешно продолжаться и дальше.

Второй вопрос, можно сказать, из разряда «что дает археология сельскому хозяйству». Археология имеет в Германии давние традиции. Немецкие археологи всегда были известны в мире, с середины XIX века они работали и в Ассирии, и в Египте, и в Европе. И сегодня рейтинг Германского археологического института очень высок. Интерес к археологии Сибири в Германии спровоцировали два человека. Прежде всего, Мерхарт, человек, судьба которого совершенно удивительна. Он попал в плен в Первую мировую войну, оказался в Сибири и много сделал здесь как археолог. Несмотря на то, что он был в плену, он сохранил самые теплые чувства к России, к Сибири, и много написал по этому поводу. Был еще Карл Йеттмар, фигура которого тоже не менее значима. Он тоже, кстати, был в плену, только уже во время Второй мировой войны, и тоже сохранил удивительно теплое отношение к Сибири. Позже он не раз бывал в Сибири и в Академгородке, в частности, уже в качестве ученого.

И мой друг Герман Парцингер, президент Германского археологического института, человек, который со студенчества интересовался археологией Сибири, очень много сделал для налаживания прямых контактов с российскими археологами. Начиная с 1999 года, мы работаем над совместными проектами. Сейчас это уже не просто интерес отдельного человека, но целая научная школа в Германии.

Я Герману как-то сказал: не знаю, что из этого получится, но то, что наши студенты друг в друга стрелять не будут — это точно. Это очень важно — налаживать такие связи со студенчества, они на всю жизнь, и это будет способствовать изучению древней истории Евразии вообще.

— Скажите, а в Монголии вы использовали новый генетический метод?

— Он, собственно, уже не новый — до того как мы поработали в Монголии уже вышла книга по археологии и генетике по результатам наших исследований на плато Укок. В Монголии с нами был специалист-генетик Александр Пилипенко, выпускник НГУ, сейчас в аспирантуре ИЦиГ. Он очень увлечен проблемой палеогенетики, и сам брал пробы на анализы и на микробиологию, и на генетику. Мы сегодня находимся на передовых рубежах в этой области.

Сейчас эти материалы в Германии, где над ними работает известный специалист проф. Шульце. Мы хотим сделать параллельную оценку ископаемой ДНК и в Новосибирске, и в Германии. Такова мировая практика — анализы должны делать как минимум две лаборатории, тогда они считаются репрезентативными.

— А в «архео-микооббиологических» исследованиях какие-то результаты уже есть?

— По микробиологии пройден первый этап пути, поскольку работы пионерские. На сколько мне известно, во всем мире никто и никогда из

археологов этим не занимался. Когда я предложил нашим специалистам поработать над пробами льда и плесени, которые мы взяли в прошлом году в Монголии, то первый встречный вопрос был: а зачем это делать? Я ответил, что не знаю зачем, но мало ли что удастся получить. И вот первые результаты: выявлено более ста видов бактерий. Сейчас над их изучением работают два учреждения — «Вектор» и Лимнологический институт. Микробиологи сразу сказали, что бактериальный фон отличается от современного, и его интерпретация может быть очень интересной и любопытной.

— **Во время недавнего российско-казахстанского Форума прозвучала информация о планируемых работах с учеными Казахстана. Расскажите о них не много подробнее.**

— Сотрудничество с казахстанскими археологами у нас идет давно. Во-первых, очень плодотворные работы по изучению первоначальных этапов заселения человеком Евразии ведет в Казахстане академик А.П. Деревянко, директор Института археологии и этнографии СО РАН. Исследовано много интересных местонахождений эпохи палеолита, в том числе очень древний комплекс Мугоджары с прекрасными каменными орудиями. Сейчас есть договоренность с профессором Ж.К. Таймагамбетовым (ученик ак. А.П. Деревянко, ныне декан исторического факультета Казахского национального университета им. Аль-Фараби в Алматы) о совместных работах не только на территории Казахстана, но и в Туркмении. Для нас это новый полигон, и с точки зрения изучения каменного века этого регион очень интересен. С будущего года планируется проведение там совместных российско-казахстанско-туркменистанских экспедиций.

Что касается работ по изучению более поздних исторических периодов, то, конечно же, нас интересует Восточный Казахстан, и здесь планируется совместная работа с проф. З.С. Самашевым, который как раз занимается изучением скифского времени. На будущий год намечен крупный симпозиум на могильнике Берель — это на границе Восточного Казахстана и нашего Горного Алтая. На Берели проф. З.С. Самашев вместе с французскими коллегами несколько лет назад тоже раскопал захоронение в мерзлоте.

— **В последнее время много сообщений вновь появляется о «принцессе Укока». Республика Алтай шлет сообщения, что они намерены в ближайшее время ее вернуть. Прокомментируйте, пожалуйста.**

— Как только наступает время выборов, эта тема на Алтае вновь возникает. Некоторые партии обещают вернуть «принцессу», и тогда и землетрясения прекратятся, и вообще благоденствие наступит. Сегодня мумия хранится у нас в Новосибирске, в лабораторном комплексе, она находится в хорошем состоянии, каждый год к нам приезжают специалисты из Москвы, из института при Мавзолее, и проводят мониторинг и необходимую обработку. Пока важно, чтобы она находилась здесь, а не в Горно-Алтайске, потому что наука не стоит на месте, и мы не знаем, какие еще тайны откроют нам посланцы прошлого.

В. Садыкова, «НВС»

Фото В. Новикова и А. Гришина

На снимках:

- раскопки могильника Тартас-1: студенты КемГУ работают на раскопе;
- миниатюрный керамический сосуд эпохи бронзы из погребения ребенка;
- самое раннее роговое блюдо в погребальном комплексе, на нем кости рыбы, рядом глиняный сосуд;
- д.и.н. А. Соловьев и аспирантка ИАЭТ Л. Кобелева.

Источник:

Садыкова В. Конец полевого сезона // [Наука в Сибири](#). – 2007. – N 47. – С.6-7.